

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Н.В. Брагинская

**МИРОВАЯ БЕЗВЕСТНОСТЬ:
ОЛЬГА ФРЕЙДЕНБЕРГ
ОБ АНТИЧНОМ РОМАНЕ**

Препринт WP6/2009/05
Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
Государственный университет – Высшая школа экономики
2009

УДК 821.0
ББК 83.3(0)3
Б87

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И. М. Савельева

Б 87 Брагинская Н.В. **Мировая известность: Ольга Фрейдберг об античном романе:** Препринт WP6/2009/05. — М.: Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. — 40 с.

Проблема присутствия/отсутствия русской гуманитарной науки в общеевропейском культурном пространстве рассматривается в связи с судьбой идей О.М. Фрейдберг о «палеонтологии» античного романа. Автор приходит к выводу, что призрачность института (гуманитарной) науки в советской и постсоветской России делает преимущественным каналом знакомства и признания достижений выдающихся российских ученых европейским научным сообществом присвоение их результатов авторитетными представителями европейской науки.

УДК 821.0
ББК 83.3(0)3

Nina V. Braginskaya. Worldwide Irrecognition Olga Freidenberg on the Greek Novel: Working Paper WP6/2009/05. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2009. — 40 p. (in Russian).

The presence or absence of Russian scholarship in the European and world culture is discussed by an example of Olga Freidenberg (1890–1955), a Soviet classicist and cultural philosopher. Her scale as thinker is that of the first stars and she would become a person of dominant influence if there were any regular channels of communication of the Russian and other European scholars. In the center of discussion there is the case of her pioneer theses on the Greek novel. Olga Freidenberg was the first one (in early 1920s in Russia) to draw the comparison between pagan erotic novels and both Apocryphal Acts and Canonical Acts and Gospels. Only recently many aspects of her “paleontological analysis” of the Greek novel emerged on the surface of the Western Classical scholarship as “new approaches”.

The paper proposes a thesis that in the humanities of the Soviet period (and probably at present time also) there were many great scholars while no institutionalized scholarship. Being the outsiders the Russian scholars have a valuable asset of the improvised solutions and new approaches. At the same time Russians are mostly regarded as the representatives of their own culture, “informant” and not as colleagues. An intruding of the new results, thoughts and approaches of the Russian scholars into the European environment is best achieved with the help of appropriation of the results of Russian scholars by the authoritative members of the Western scholarly community.

Препринты Государственного университета — Высшей школы экономики размещаются по адресу: <http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>

© Брагинская Н.В., 2009
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2009

И еще: Вы всегда будете воспринимать меня как русскую, я же Вас — как чисто человеческое (божественное) явление. В этом сложность нашей слишком своеобразной нации: все, что в нас — наше Я, европейцы считают «русским» (то же самое происходит у нас с китайцами, японцами, неграми, — очень далекими или очень дикими).

*Марина Цветаева —
Райнеру Марии Рильке. 9 мая 1926 г.¹*

Тему присутствия русской науки и культуры в европейской я буду обсуждать на близко знакомом мне материале — судьбе идей О.М. Фрейдберг. Перед ними стояло два барьера: один на родине, другой на ее границах, речь пойдет по необходимости о том и другом.

Большая часть написанного Фрейдберг лежала взаперти в железном сундуке и после её смерти в Ленинграде 6 июля 1955 г. осталась там лежать. Не погибла в блокаду, не была выброшена на помойку. Большая удача. Когда в 1972 г. я впервые открыла крышку сундука, стоявшего под роялем в доме Р. Р. Орбели, там оказалось — если назвать самое важное — 12 монографий², два десятка законченных

¹ Рильке, Пастернак, Цветаева, 1990: 86–87. Этот эпитафия мне подсказала А. И. Шмагина-Великанова, которая прочла статью в рукописи и которой я выражаю признательность за замечания и советы.

² Этюды к «Деяниям Павла и Теклы». Ч. 1. 1919–1921; Ч. 2. 1925–1936. Около 300 листов, частично двусторонних, сплошной нумерации нет; *Происхождение греческого романа* (другое название: «Греческий роман как деяния и страсти»). Диссертация 1920–1924, 209 л., защищена как магистерская 14 ноября 1924 г. в ИЛЯЗВ при ЛГУ; *Семантика сюжета и жанра* (другое название: «Прокрида; редакция «Поэтики сюжета и жанра». 1927–1928 (основной текст закончен в конце 1927 – начале 1928 г.; предисловие датировано 15 сентября 1928 г.), 303 л. и 970 несохранившихся примечаний; *Проблема греческого романа как жанра страстей и деяний*. Монография [2-я редакция «Происхождения греческого романа»]. 1929, 216 л.; *Хрестоматия по антирелигиозной художественной литературе*. 1931. Предисловие [ОМФ] — 29 л., текст — 191 л.; *Композиция «Трудов и Дней» Гезиода* (другое название: «Семантика композиции “Трудов и дней” Гезиода»). 1933–1938. 1-я ред. — автограф, 2-я ред. — машинопись с авторской правкой, ок. 700 л.; *Лекции по введению в теорию античного фольклора*. 1939–1943, 354 л.; *Происхождение литературного описания*. Автограф,

статей, огромная рукопись «Воспоминаний о самой себе» (34 тетради, примерно 2300 машинописных страниц) и несколько пачек переписки с разными людьми. Самой поразительной находкой оказались 130 писем Бориса Пастернака, двоюродного брата Ольги.

Детей у Фрейденберг не было, ученики, спасая себя, «отвернулись». Но для потомков архив был приведен в порядок: Фрейденберг верила «в науку» и в то, что у ее трудов есть будущее. Верила она и в такую сущность, как «история», и потому полагала, что ее «Воспоминания» будут свидетельскими показаниями на грядущем суде над сталинизмом — на «московском Нюрнберге»³.

К машинописи своей последней книги «Образ и понятие» Фрейденберг приложила листок, на нем написала лиловыми чернилами, но не пером даже, а какой-то тростинкой, палочкой для письма:

«20 III 1954

Приходится начинать все с того же. С тюремных условий, в которых писалась эта работа.

У меня нет прав на научную книгу, а потому я писала на память. От научной мысли я изолирована. Ученики и друзья отвернулись, аудитория отнята.

В этих условиях я решила синтезировать свой 37-летний исследовательский опыт, чтоб на этом заглохнуть.

Прохожий!

Помолись над этой работой за науку»⁴.

«Греческий роман как деяния и страсти»

Я остановлюсь здесь не на всем теоретическом наследии Фрейденберг, а на судьбе ее первой большой работы, магистерской диссертации о греческом романе. Именно в этой области, которой занимаюсь сама последние десять лет, я могу провести сравнение того, что было открыто и понято Фрейденберг, фактически еще студенткой, в начале 1920-х годов, и того, что было сделано мировой наукой

1939—1940, 140 л. (не закончено); *Гомеровские этюды* 1939—1945, 188 л.; *Паллиата* 1945—1946, 212 л.; *Образ и понятие*. 1945—1954, 618 л.; *Сафо: к происхождению греческой лирики*. Монография (не закончено). 1946—1947, 238 л.

³ Фрейденберг, 1986.

⁴ Этот текст не был помещен в первом издании «Образ и понятие» (Фрейденберг, 1978), но во втором и третьем он есть: Фрейденберг, 1998; Фрейденберг, 2008).

за прошедшее с тех пор время, особенно за последние тридцать лет, когда в исследовании античного романа произошел некий бум.

Первая большая работа — исследование «Деяний Павла и Теклы» — была начата в 1919 г. и стала преддипломным сочинением⁵, а к 1924 г. Фрейденберг написала магистерскую диссертацию «Происхождение греческого романа» или «Греческий роман как деяния и страсти» (эти названия чередуются или дополняют друг друга), которую защитила в Петроградском университете в 1924 г.

Работа Фрейденберг о романе не была принята ученым сообществом, защита имела скандальный характер⁶. Причин для этого хватало, как научных, так и социальных. Фрейденберг училась в Петроградском университете в первые послереволюционные годы, когда нормальное течение университетской жизни прекратилось. В 1918 г. в университет свободно, без ограничений и экзаменов записались тысячи людей, включая малолетних и безграмотных. Из них окончили курс менее 5 %, но на дореволюционную профессию новый облик студенчества, девицы и пролетарии, производил сильное впечатление. Напряжение, которое встречало пореволюционную защиту, сейчас трудно себе представить. Институт научных степеней был отменен, хотя отдельные защиты (например, В. М. Жирмунского) еще проходили по дореволюционной процедуре, но никакой степени при этом не присуждалось. Слово «диссертация» было так же сомнительно, как слово «офицер». Сам научный руководитель Фрейденберг — С. А. Жебелев был «против»: когда приходится стоять на голове, цилиндр неуместен. Он протестовал и кричал, как вспоминала Фрейденберг: «Зачем вам защита? Какая защита теперь? Кому это нужно? Никаких защит! Взбрело на ум! Нет никаких защит!» («Воспоминания о самой себе». Рукопись). Добавим, что в университете, не на курсах, защищалась женщина, никому в научном мире не известная, вчерашняя студентка. Если рассмотреть биографии ученых женщин этого поколения, станет очевидно, что почти все они были дочерьми, женами, хотя бы племянницами мужчин из академического сообщества. Фрейденберг была одиночкой во всех отношениях. Не имела ни единой публикации и защищалась, собственно, для того чтобы сделать свою работу достоянием научного сообщества.

⁵ В качестве дипломного сочинения С. А. Жебелев засчитал работу о Фамириде, впоследствии опубликованную: Фрейденберг 1927.

⁶ См. Брагинская, 1986.

После защиты была зарегистрирована как безработная на бирже труда. Добиться печати для книги о романе так никогда и не удалось.

Но кроме социальных причин были и научные. В 1924 г. из признанных ученых только академик Н. Я. Марр и И. Г. Франк-Каменецкий поддержали ее работу, тогда как даже научный руководитель С. А. Жебелев отступил перед согласным неприятием среды и предпочел отмежеваться⁷.

Я постараюсь выделить наиболее важные идеи диссертационной работы Фрейденберг и сопоставить их с тем, что было сделано в европейской науке с начала 1920-х годов.

Прежде всего, Фрейденберг отвергла эволюционистскую схему Эрвина Роде и его датировку, когда Роде был еще непререкаемым авторитетом⁸. Для Роде роман был сугубо и исключительно греческим явлением, родом софистического упражнения, выродившегося впоследствии до уровня примитивного, лишенного изыска романа Харитона, который он считал поздним. Вторую софистику Роде представлял движением по отстаиванию греческой «идентичности» от напора всевозможных соседних культур, включая Рим, и возрождением греческого прошлого. Так он интерпретировал тот факт, что роман был греческим, а мир в нем — преимущественно негреческий.

Совершенно иначе смотрела на греческий роман Фрейденберг. Она увидела, что роман встраивается в контекст эллинистических литератур Восточного Средиземноморья, а не в жанровую систему классической литературы периода «упадка эллинской культуры», что вопреки Роде роман не является суммой различных мотивов и жанровых моделей классики и генезис его иной.

До знакомства с находками, которые были опубликованы папирологами до Первой мировой войны⁹, и до новых находок, сделанных много позже и заставивших пересмотреть «схему развития» ро-

⁷ Впоследствии, после получения благожелательного отзыва Адольфа Гарнака (см. ниже), он переменял свое мнение, рекомендовал печататься за границей и писал: «Отзыв Гарнака, сдаётся мне, должен Вас совершенно примирить с тьявканьем, да притом еще иногда из подворотни, разных наших песиков, которым до науки столько же дела, сколько нам с Вами до разного рода мелких интрижек» (8 ноября 1926 г.).

⁸ Rohde, 1876.

⁹ Grenfell, Hunt, 1914: X, 135–142, pl. VI.

мана, изложенную у Роде¹⁰, Фрейденберг отодвинула эпоху зарождения жанра до конца II — начала I в. до н. э., исходя исключительно из содержания романов. Она выявила мифологический образец, *dromenon* культов плодородия, которые «испускали» свой *legomenon* как основу циркулирующих устно и одновременно и разнообразно фиксируемых священных сказаний.

По мнению Фрейденберг, древняя литература отличается от современной не столько своей функцией, сколько генезисом (хотя отличается). Свободное изобретение жанра «однажды пополудни в июльский вторник» (подхваченное многими *mot* Б. Перри) для древности невозможно, жанр создается из предзаданных элементов, его сюжетная схема, персонаж, детали и выражения обусловлены «сырым материалом», взятым из резервуара традиционных рассказов.

Греческий роман — явление новое и небывалое в античной литературе, но произвольно для его авторов в нем оформляется тысячелетняя древность, и мифологический образец окутывается тканью псевдоисторической «современности».

Фрейденберг выделила два цикла мифологических образов, условно назвав один «Адониада», он связан со смертью и воскресением, другой — «Гераклиада», он связан с борьбой и победой над смертью. Первому отвечает культ богов плодородия, второму — цикл соляных и зооморфных образов.

Миф передает смену времен года, дня и ночи, восходящих и гаснущих светил, жизни и смерти, вечный водоворот увядания и цветения как исчезновения и прихода героя и/или героини, как перипетии их судеб, путешествия на небо и в преисподнюю, как дары смерти и утраты жизни и рождение потомков. Внесение этической, религиозной перспективы превращает эти конкретные образы в назидательную аллегорию. Цикл «Гераклиады» лежит в основе сюжета страданий, временных исчезновений, «мученичества» и «смертей» в эпизодах романа, где герои «безвольно и счастливо выходят из огня, из звериной пасти, из пучины моря», и в эпизодах христианских житий и апокрифических Деяний.

«И когда тут же на Переднем Востоке создаются Евангелия почти в это же самое время, их авторы тоже не хотели бы знать, что они исторически оформляют. Но это и не в их личной власти. Диалектический процесс идет

¹⁰ Vogliano, 1938.

поверх их головы, действуя в них самих, и дает им в качестве исторического материала как раз то, что единственно их удовлетворяет, но что они же, при свете научного фонаря, приняли бы за издевательство над собой. Но именно этот фонарь и освещает удивительную согласованность того, что противоречиво» («Греческий роман». Рукопись).

Фрейденберг говорит не о поверхностном влиянии литературных приемов или мотивов языческой литературы на христианскую или *vice versa*, а о глубинном единстве идейно, религиозно и культурно разнородных явлений. Так, в «Деяниях Павла и Теклы» история любви и верности прекрасной девушки, готовой все претерпеть ради соединения с возлюбленным, предстает как история преданности вероучителю, а история Иосифа и Асенет объединяет в один сюжет обращение и брак. Обращение происходит не просто *ради* замужества: любовь открывает героине, что истинный Бог — это Бог Иосифа. Герой Лонга Дафнис обнаруживает свою близость к божеству умирающей и возрождающейся растительности в своем имени, пастушеском облике, в связи с садом. «Жизнеописание Эзопа» содержит рассказ о странствующем мудреце, несправедливо оклеветанном и казненном, чью смерть его погубители должны искупить. Герои романа и благочестивых, душеполезных христианских сочинений составляют систему. В развитие мыслей Фрейденберг попробуем сложить имена героинь греческого романа. У нас получится образ сада или рая: Анфия — Цветок или Цветение, Хлоя — Зеленоотравие, Каллироя — Прекраснотекущая, т.е. источник, Хариклея — Славная прелестью, Левкиппа — Белоконь. Все вместе они описывают *locus amoenus*: прелестное место, луг с зеленой травой, где пасется безупречно белый конь, пестрят цветы, струится источник, чистый и прохладный. Но эта природная образность не чужда христианскому писателю, которого цитирует Фрейденберг, заимствуя у него для описания «сообщения» греческого романа выражение «весна тела». Она описала, как этот образ разворачивается в Евангелиях и в то же время в эротической интерпретации в греческом романе, в метафорах буквального телесного оживания:

«Посмотри, как вся природа, к нашему утешению, наводит на мысль о будущем воскресении. Солнце заходит и нарождается, звезды склоняются и восходят, цветы гибнут и оживают вновь, после старости сады покрываются листвою, семена дают новую зелень лишь по ислении. Так тело в миру, как зимою деревья: скрывают силу

в мнимом высыхании... И нам также следует ожидать весны нашего тела» (Min. Fel. Octav. 34).

Работа Фрейденберг о романе в контексте современной науки

В последние десятилетия в период необыкновенного расцвета в изучении античного романа стали появляться книги и статьи, которые в том или ином аспекте приближаются к той целостной концепции, которую создала Фрейденберг, еще будучи студенткой.

В свое время Фрейденберг ссылаясь лишь на бельгийца Мориса Вильмотта как на своего предшественника. Он предлагал параллельно изучать языческую и агиографическую литературу¹¹. Вильмотт едва ли мог не знать трудов своего соотечественника и современника голландиста Ипполита Деле, его изучение литературных особенностей агиографии, агиографических топосов и выработку методики отделения исторических житий от литературных¹². Деле остался по каким-то причинам неизвестен Фрейденберг, как, впрочем и современным исследователям фольклора и романа, хотя проделанный им анализ крайне важен для всей этой области. Стремясь отделить историческое ядро жития от литературных, легендарных, фольклорных наслоений, Деле описал легендарную топику. Но то, что он научился отбрасывать, как раз и составляет специальный интерес мифолога и фольклориста. Интерес Фрейденберг касался именно того, что Деле отбрасывал.

В западной научной традиции пионером сравнения романов в апокрифическими Деяниями считается Роза Зёдер¹³, за которой последовал в более близкие к нам времена Ричард Перво, а затем и многие другие. Перво полагал, что христианские апокрифы прибегали к нарративным приемам греческого любовного и авантюрного романа, чтобы украсить душеполезную проповедь, сделать ее увлекательной¹⁴. Как большинство исследователей, сопоставляющих повествования христианские и нехристианские, он ограничивал свои предположе-

¹¹ *Wilmotte*, 1922.

¹² Многочисленные труды Деле переиздаются по сей день и переводились на другие языки сразу же по выходе их в свет, см., например: *Delehay*, 1905; *Delehay*, 1991.

¹³ *Söder*, 1932.

¹⁴ *Pervo*, 1987; *Pervo*, 1994; *Pervo*, 1996.

ния о происхождении общих мотивов и приемов литературными контактами языческих и христианских писателей. Выучка историка не позволяет трактовать сходства иначе как в терминах непосредственного знакомства с текстом и подражания как *ultima ratio* всякого подobia¹⁵.

Однако представление о том, что античные образцы влияют на христианские, что направление влияния исключительно одностороннее¹⁶ просто потому, что в учебной картине мира античная эпоха предшествует христианской, в настоящее время уже не является господствующим¹⁷. (В свое время и эта идея влияния языческой культуры казалась смелой, потому что еще ранее между христианским и классическим департаментами принято было возводить капитальную стенку.)

Глен Боверсок счел более верным противоположное направление вектора. В начале 1990-х он высказал предположение, что греческий роман был отражением «удивительных историй», возникавших в это время в Палестине и распространявшихся по ойкумене. Присущая почти всем романам ситуация временной или мнимой смерти и воскресения (“*Scheintod*”) была им осмыслена как десакрализованное и превращенное в авантюрный мотив центральное событие христианской мистерии¹⁸.

В этом случае речь пошла не об апокрифических сочинениях, но о самом содержании христианского символа веры, о воскресении. Однако Евангелия предстали источниками мотивов для светской литературы греков не в результате обнаружения каких-то прямых цитат или удостоверенных контактов, а скорее по аналогии с последующей европейской культурой. Каждая деталь Евангелий (прежде всего именно канонических) отзывается в последующей европейской культуре, живописи, поэзии многократным эхо. Как по этой причине, так и по понятным соображениям сакрального характера канонические Евангелия скорее представляются источником влияния, но не его объектом со стороны «легкомысленных» светских и даже «соблазни-

тельных» сочинений. Боверсок слышит поэтому в мнимых смертях и воскресениях у Лукиана, Харитона или Ахилла Татия «несомненный отзвук» Евангелий. Но о воскресении из мертвых даже в эту эпоху, не упоминая более ранней, говорили многие голоса, не только Евангельские.

В своей диссертации Фрейденберг писала:

«Смерть и воскресение — вот альфа и омега христиан; бессмертие и вечная жизнь души — новопифагорейцев (Porphyr. *Vita Pyth.* 19.). Христос — там, здесь — Дионис: как христиане переносят на Христа все культовые мотивы смерти и воскресения, так пифагорейцы окружают Пифагора нимбом Дионисовых сказаний, некогда принадлежавших одному Дионису. И в центре всех сказаний находится легендарная личность Пифагора, рожденного богом, выходящего из пламени, назидającego диких зверей (Porphyr. *Vita Pyth.* 2; 23 sqq.; 57). Эти следы Дионисова культа, почитаемого новопифагорейцами¹⁹, с их основной верой в новое народение, с их орфическими традициями, — это все находит себя в жанре, вышедшем из священного рассказа о Дионисе, об Орфее, о мнимых смертях и новых рождениях. В “Эфиопике” Гелиодора дается исчерпывающая картина проповеди и практики новопифагорейцев, картина более возвышенная, чем в “Жизни Аполлония Тианского”. Точно так же начальная христианская церковь, не сознавая, что и Евангелия — греческий роман, находит в элементах эротического романа все нужные ей условия, и отныне она готова давать ему даже свое содержание. Так создаются многочисленные жития святых с фабулой греческого романа» («Греческий роман». Рукопись).

В последние десятилетия появились и такие работы, в которых исследуют не прямое влияние (в ту или иную сторону) романов и христианской, преимущественно апокрифической, литературы²⁰, но выворачивание наизнанку в христианской литературе ценностей романов — социальной стабильности и прокламируемых гендерных ролей. Так, Джо-Энн А. Брент²¹ сравнивает мотивы «оставленное дитя», «приемные родители» и др. как архетипические «patterns» в Еванге-

¹⁵ Ср. *Parsons*, 1989: 407–410; *Huber-Rebenich*, 1999.

¹⁶ Перво называет свою главу в новейшем компенионе об античном романе так: «Античный роман становится христианским», см. *Pervo*, 1996.

¹⁷ О проблеме «направления влияния» см., в частности, *Swain*, 1999: 11.

¹⁸ *Bowersock*, 1994. См. также *Wills*, 1997 (сюжет о странствующем мудреце и праведнике, оклеветанном и казненном, чья смерть имеет сакральные последствия).

¹⁹ *Zeller*, 1892: 317 (здесь Целлер ссылается на тех авторов, у которых содержатся соответствующие сведения).

²⁰ Ср. отнесение к жанру романа не только апокрифических, но и канонических Деяний, см. *Alexander*, 1995; *Aubin*, 1998.

²¹ *Brant*, 1998: 199–217.

лиях и романе, отлично или даже противоположно осмысленные²². Противостояние любовному преследованию и насилию, сосредоточенность на чистоте и целомудрии — также общие мотивы романов и христианской литературы, но конечные цели этих испытаний различны: обретение возлюбленного и брак в одном случае, девство и безбрачие — в другом. В терминах Фрейденаберг эти различия не исчерпываются идейными различиями, которые, естественно, усматривали в них авторы и читатели. Она показывает, что древняя мифология объемнее того, что получило этическую и качественную определенность, ибо в ней содержится потенция и аскетического, и эротического варианта.

Джудит Перкинс в серии своих исследований сосредоточилась на страданиях героев, а не на их любовной истории и сопоставила роман с мученичеством. Хотя прозорливость этой исследовательницы была пробуждена фукоистским интересом к страдающему телу, она назвала роман Гелиодора «романом-пассио», приблизившись к пониманию романа у Фрейденаберга²³.

Тема единства языческого любовного романа и агиографии обрела новые обертоны в рамках феминистического направления, нашедшего для себя обширный материал в виде женщин-протагонистов²⁴. Это направление связывает литературные произведения напрямую с происходящим в социуме, современном их созданию, а кроме того, опрокидывает в древность гендерную проблематику своей современности.

Если Фрейденаберг стремилась обнаружить в романе палеонтологию сюжета, то современные исследователи скорее видят в нем окошко в мир древней повседневности. Так, Рональд Хок полагает, что романы дают «плотное» или «густое» описание социальных, экономических и религиозных институций в той среде и тех краях, где распространялось христианство²⁵. Здесь, как и в других случаях, по сравнению с тем, что делает Фрейденаберг, предпринимается очень простой прямолинейный ход. Ведь соотношение романов и социальной,

²² В 1930 г. Фрейденаберг опубликовала статью с вызывающим названием: «Евангелие — один из видов греческого романа» (Фрейденаберг, 1930).

²³ Perkins, 1995.

²⁴ См., например, Cooper, 1996: 20–67, и, в особенности, 45–67 (в главе “*Acts of Paul and Thecla*”).

²⁵ Hock, 1998: 126.

религиозной и прочей реальности не так однозначно, чтобы можно было просто «извлекать» из них сведения об этой реальности. «Современность» действительно присутствует в романе, но не на поверхности и не в бытовых деталях, которые есть, конечно, но единично-конкретны и не дают оснований для обобщений. Современными и обобщенными, т.е. в большой мере общими для многих, всегда бывают смыслы или же осмысление сколько угодно древнего материала. Но оно не лежит на поверхности, не берется из текста по его первом прочтении, оно требует целостного анализа всей культурной толщи эпохи. Это и делает Фрейденаберг (в отличие от большинства современных ученых).

Грэм Эндерсон через 60 лет после защиты диссертации Фрейденаберга напечатал работу, в которой со смелостью, которой ему не пристали, заговорил о древневосточных корнях греческого романа и, в частности, сопоставил сцены из аккадского эпоса со сценой из «Дафниса и Хлои»²⁶. Несмотря на исключительное сходство сцен в этих разделенных тысячелетиями текстах, научный мир счел сопоставление невозможным, как не имеющее литературного объяснения: Лонг не мог читать таблички, которые раскопали и расшифровали востоковеды, следовательно, несмотря на уникальность мотива в греческой литературе, совпадение случайно. Едва ли случайно, однако, что в греческой литературе нет описаний невинных влюбленных, которые не понимают природы своего влечения. Как известно, в Греции возникла именно литература, а на Древнем Востоке бытовали ритуальные тексты. И хотя одно с другим связано, но не напрямую. Поэтому критики Эндерсона правы: между героями Лонга и Иннаной и Думузи гигантская дистанция. Она так велика, что во всей греческой литературе до Лонга нет инициационного, ритуального сюжета обучения юношей (девушек) тайне продолжения рода, представленного в его первобытности. У бесписьменных народов есть повсеместно в фольклоре, обряде, песне, а в литературу уже «не попадает». Мы не знаем, из какого «этнографического» материала извлек Лонг первобытный сюжет о неумелых любовниках. Это могли быть устные источники и пастушьи песни, естественно восходящие к ритуалам. Лонг не был носителем фольклорной традиции, он смог оценить потенциал мотива для литературы и заложил тем са-

²⁶ Anderson, 1984.

мым целую традицию соблазнительной «пасторальной невинности». В ее ритуально-мифологическом прошлом нет ни соблазна, ни пасторальности, а только важнейшая задача инициации. Таким образом, критики Эндерсона правы: Лонг не «читал таблички». И они не правы: Эндерсен сделал этот шаг — проследил темы и мотивы греческого эллинистического романа вплоть до «ближневосточных мифов плодородия и царства, которые возникли на тысячелетия раньше».

Интересно, что работа Кристиано Гротанелли, в которой сопоставляется библейская история Иосифа Прекрасного и героини романа Харитона Каллирои, практически не используется специалистами по роману²⁷. Сходство сюжетной схемы и многих мотивов очень велико, но оно не лежит на поверхности, хотя бы потому что один персонаж мужской, а другой — женский. А главное, нет такой исторической оптики, которая позволила бы вообразить литературное влияние Танаха и даже Септуагинты на греческий роман.

Оптики фольклориста и историка противоречат друг другу принципиально: для первого само собой разумеется, что мотивы распространены по всей земле, причем распространялись в дописьменную эпоху, с легкостью пересекая языковые барьеры, второй требует для объяснения сходств и параллелей доказательств контактов и свидетельства.

Рассказ о страданиях, приключениях и, наконец, прославление любви и жизни или любви и смерти Фрейденберг считала общим наследием Средиземорской культуры. Автор «Деяний Павла и Теклы» не помнил, что это Иннана-Иштар, спускаясь в преисподнюю к Думузи-Таммузу, дарила стражам подземного мира одно за одним свои украшения, когда Текла, чтобы проникнуть к Павлу в темницу, отдает свои украшения и серебряное зеркальце тюремщикам.

Говоря о восточной родине романа, Фрейденберг не совпала с учеными, чьи работы были наиболее влиятельны в этом направлении: Карлом Кереньи и Райнхольдом Меркельбахом²⁸. Присутствие Исиды и Артемиды как ее греческой ипостаси почти во всех романах, неизменное попадание героев в Египет и вообще роль Египта, исидаизм (на чем сосредоточились эти исследователи) представлялись Фрейденберг самым поверхностным слоем исторического оформле-

²⁷ *Grottanelli*, 1987: особенно 30–31.

²⁸ *Kerényi*, 1927 [1964]; *Merkelbuch*, 1962; *Merkelbuch*, 1988.

ния древнего сюжета уже в эпоху складывания греческого романа, а не его истоков. Фрейденберг говорила о священных сказаниях, *legomena* для культовых *dromena*, которые жили в устной традиции, но понимание самих романов как *legomena* к мистериальным культам, которые были в этих романах зашифрованы, как у Меркельбаха, — такая узость и конкретность были ей чужды. В религии Восточного Средиземноморья проявляются общие ценности древней цивилизации, а Египет — лишь одна из областей Средиземноморья, анализ же ономастики вел исследователя скорее на Ближний Восток и в Малую Азию, хотя иногда и в Египет.

Работа о романе создала в оболочке конкретного исследования то, что можно назвать теорией Фрейденберг или ее философией культуры. К сожалению, изоляция была не только односторонней. Фрейденберг узнавала о достижениях западных коллег с опозданием или вовсе не узнавала²⁹. Ранняя работа Кереньи о романе, ей известная, была опубликована через несколько лет после написания «Греческого романа», и она еще не содержала той теории мифа, которая сложилась в его работах, совместных с Юнгом. Фрейденберг, похоже, не знала этих более поздних и более теоретических трудов, выговаривавших взгляды, ей близкие. Как и работа о романе, другие ее труды по теории мифа тоже были написаны вне контактов с Юнгом или Кереньи (хотя свое отношение к Фрейду и его роли в понимании мифа она в «Поэтике сюжета и жанра» высказала³⁰). Поэтому для читателей XXI в., получивших труды теоретиков мифа предшествующего столетия уже как классику, в препарированном виде, заглядывающих в учебные пособия, чтобы «к зачету» подготовить ответ на вопрос об «архетипе», «коллективном бессознательном» и «символических формах», может показаться странным почти апофатическое усилие Фрейденберг назвать то, что стоит «за» мифом и «за» сюжетом, — чистую семантику. В своих мемуарах, написанных через много лет, Фрейденберг рассказывала в очень простых нетерминологических словах суть этой своей работы:

«Мифы существовали за тысячелетия до романа. От этих мифов сохранились одни имена героев, да и те в измененном виде. Роман наделил

²⁹ О гносеологическом аспекте ранней греческой лирики Фрейденберг писала параллельно и одновременно или ранее, чем Френкель и Снелл (*Fränkel*, 1951; *Snell*, 1946), и, несомненно, об их трудах не зная, см.: *Брагинская*, 2007: 392–395.

³⁰ *Фрейденберг*, 1997: 26 и след.

своих героев именами этих героев мифа. Однако анализ показывает, что каждый такой миф с сюжетной точки зрения представляет собой то же самое, что и греческий роман. Только обнаружить это можно с помощью лишь очень глубокого анализа. Значит, тут дело не в сознательном отвлечении из мифа известных мотивов и пересадке их в роман: писатели никоим образом не могли копаться в мифах, как картошку, и вытаскивать из них отдельные композиционные нити. Ведь роман реально-образен, на миф не похож. Он всегда был известен как “светский” жанр.

Приходилось понимать иначе: роман, того не зная, создавался из тавтологических элементов, и то, что он представлял собой в исторически-творческом процессе, повторяло то самое, что ему предшествовало, когда его, как романа, еще не было. Другими словами, имена героев раскрыли мне, что я держу в руках одни и те же сюжетные содержания: одни — как мифы глубокой архаики, другие — как поздний литературный жанр. И самое значительное в том, что литературный жанр не догадывается, что вся его фактура состоит из него же самого, лишь архаичной, долитературной формы.

Впрочем, я, может быть, и сегодня, на склоне научных лет, неумело объясняю теоретическую суть проблемы. Дело не в том, что мотивы и композиция романа совпадали с мифом. А в том, что эти мотивы и композиции мифа находились за кулисами; что роман пользовался для имен своих героев видоизмененными именами героев мифа, и только; что роману была неизвестна сюжетная, композиционная позитивная того или иного мифического носителя имени; что, следовательно, речь идет о бессознательном и не личном акте, а о каком-то общем явлении исторического порядка. Литература возникала из себе подобной не-литературы, и хотя обе они были одним и тем же, они обе представляли собой различные явления» («Воспоминания о самой себе». Рукопись).

Попытки преодолеть барьер

Когда Фрейденберг писала свою работу о романе, еще не была написана книга Карла Кереньи о восточных религиозных корнях романа, а секция исследователей Ancient Fiction and Early Christian and Jewish Narrative появится при американском Обществе библейской словесности только через 70 лет.

Фрейденберг пыталась напечатать хотя бы резюме своей работы о греческом романе за границей. Единственным «агентом влияния» был любящий дядюшка, художник Леонид Осипович Пастернак, ко-

торый жил в Германии. «Ах, досадно, что на русском языке работа, — писал он племяннице в феврале 1925 г., — ведь это никому здесь не доступно...» Он предложил ей написать автореферат по-немецки. Спустя много лет Фрейденберг вспоминала:

«Мысль о загранице, о дяде, об автореферате зажгла меня. Я принялась писать, обламывая своей работе руки и ноги. Ах, какое это варварство, эти авторефераты, экстракты, резюме, отчеты, предварительные сообщения! Сколько пролито над ними слез! Сколько мук они мне стоили!

Я писала, но не имела денег на переводчика. На последние гроши я отдавала кому-то переводить, и выходило плохо, мой стиль коверкался. Сколько я выслушала за свою научную жизнь поучений от переводчиков с русского на немецкий, от корректоров, технических редакторов, не говоря о тысяче цензоров и миллионе «внутренних» рецензентов!

Потом я просила Жонно [Жозефину Леонидовну Пастернак. — *Н.Б.*]. Она переводила, не понимая, как все переводчики, работы. Мне пришлось и это пресечь, так как она изнемогала. Писала я всякие авторефераты: и о книге в целом, и отдельные главы, и новые этюды, и что угодно» («Воспоминания о самой себе». Рукопись).

Одно такое не слишком удачное резюме попало в 1926 г. через Л. О. Пастернака к Адольфу Гарнаку. Гарнак написал Л. О. Пастернаку небольшое письмо, в котором отозвался об основной идее Фрейденберг как убедительной, согласился с отнесением «Деяний Павла и Теклы» к жанру романа. Он назвал ее «Ideenreich und Erfindungsgriech». Фрейденберг приводит оригинал и не очень ловкий перевод письма в своих «Воспоминаниях», сохранился и подлинник.

«Берлин—Груневальд

28.10.26

Высокопочтимый господин Пастернак!

Хотя я обременен всякого рода работой, однако я тотчас же прочел рукопись Вашей m-elle племянницы. Она **убедительна**, также **правильна** в своем **основном выводе** и этим означает дальнейший шаг в литературном понимании “Деяний Павла и Теклы”, который близко идет к итогу. В отдельных случаях, которые относятся к ведению доказательств, у меня имеется, однако, много вопросительных знаков, сообщить которые и обосновать у меня нет времени; но они не могут опровергнуть основных выводов. Ваша m-elle племянница обладает отличными знаниями и хорошим критическим чутьем.

С отменно глубоким уважением, покорно приветствуя,
А. Гарнак.

(Впрочем, старинную фразу вежливости, которой заканчивается письмо, я не умею перевести)».

Увы, это был последний контакт с мировой наукой. Университетский учитель Фрейденберг С. А. Жебелев посоветовал просить Гарнака о рекомендации к печати в немецком журнале: «Ему стоит только сказать *imprimatur*, и все журналы откроют свои двери» (8 ноября 1926 г.). Фрейденберг не хотела беспокоить Гарнака и послала свою статью без рекомендации:

«Но та же статья, без рекомендации, не была принята немецким журналом. На прекрасной бумаге, “интеллигентно” мне было отказано в напечатанье, так как вопрос о Фекле считался после статьи Радермахера (“Ипполит и Текла”³¹) разрешенным. С тех пор я поставила крест на немецкие журналы. Мысль о вхождении в науку, в заграничную настоящую науку, еще многие годы волновала меня безмерно. Она поневоле утасла со временем, как угасло все живое с воцареньем Сталина. Но прежде чем надежды погибли, сколько стояло за этими мыслями тревоги, поисков спасенья, сколько я билась над попытками внести свои работы в общее русло науки! Я прекрасно понимала, что в России были выдающиеся ученые, но науки не было» («Воспоминания о самой себе». Рукопись).

Не знаю, насколько последняя фраза выражает общее мнение или внутреннюю интуицию современных «гуманитариев» в России, согласны они с ней или нет. Для времен сталинских или для времен нынешних. По моему мнению, это положение справедливо, хотя и в разной мере, для дореволюционной России, советской и постсоветской, если иметь в виду гуманитарную область. Серьезные русские ученые перед революцией были частью мировой, по преимуществу немецкой науки. Так они себя ощущали, и для завершения образования те, кого оставляли при университете для приготовления к профессорскому званию, отправлялись на несколько лет в Европу. И как социальный институт, гуманитарная наука тоже ориентировалась на образцы более старые и мощные, что в целом естественно. После переворота 1917 г. социальный институт поступил в полное распоряжение идеократии, которая вменила ему соответствующие цели. В условиях советского режима отдельные ученые могли существовать, но как социальный институт наука служила идеологии, никак не истине. Служение же истине оставалось делом частным и могло

³¹ *Radermacher*, 1916.

мимикрировать под служение идеологии, так же как идеология мимикрировала под служение истине. Если описывать ситуацию в аристотелевских терминах «необходимое» и «прекрасное», то поиски истины для отдельных ученых, в терминологии Фрейденберг «выдающихся», оставались чем-то «прекрасным», но не были необходимыми для общества.

Социальный институт, служащий поиску истины по определенным правилам, в наиболее развитых европейских странах существует как неустраиваемая часть цивилизации и культуры. Он существует давно, обладает большой «массой», и сила инерции его велика. Ущерб науке может наноситься и извне и изнутри, но ее необходимое присутствие в общей жизни народа и государства не подвергается сомнению.

Если говорить о сегодняшнем дне в России, то смена идеологического насилия на экономическое не приблизила реальные цели социального института русской гуманитарной науки к номинальным, но существование отдельных ученых и даже кружков возможно.

Судьба работ и судьба идей: Марр, Сталин, забвение, мировая безвестность

Итак, барьер между русской и мировой наукой не был преодолен. Но и в России судьба ее работ и идей сложилась не лучшим образом. Помощь Н. Я. Марра Фрейденберг была весьма относительна, а его поддержка в дальнейшем оказалась фатальной. Она определила в научной судьбе Фрейденберг и внешний успех, и внутреннюю трагедию, и уход из общественной жизни после «разоблачения» марровского учения Сталиным, и забвение коллегами по цеху, которые легко могли квалифицировать ее новаторские работы как марристские бредни. Теория Марра представляет собой причудливую смесь безумия и озарений, в которой нелегко разобраться и которой легко соблазнится невежда.

В то время, когда Фрейденберг познакомилась с Марром и он понял и оценил ее «палеонтологический» анализ сюжета, это был еще академик царской Академии наук, а его зарождавшаяся лингвистическая теория не обзавелась еще наиболее одиозными своими положениями. Марр, не зная этого, выстраивал прототипологию языков и протоностратику.

При том одиночестве в ученой среде, о котором я уже говорила выше, поддержка Марра была для Фрейденберг «всем», даром небесным. Марру же нужны были безоглядно преданные последователи. Он был на многое готов ради усиления своих позиций и позиций своих учеников: единственный из «царских» академиков вступил в партию и облекал свои теории в марксистскую терминологию. Немедленно он оказался окружен значительным числом людей, которые использовали его покровительство в целях карьеры, превращали его догадки и заблуждения в догму, при помощи «марксистской» лингвистики расчищая для себя жизненное пространство. Фрейденберг отошла от марристов, обратившихся в секту, уже в начале 1930-х. Но когда она публиковала в 1936 г. «Поэтику сюжета и жанра», от нее требовали признания своей принадлежности школе Марра. В письме дяде, Л. О. Пастернаку, и кузинам она рассказывала:

«Меня **пять раз** заставлял редактор писать сызнова (речь идет о предисловии. — *Н.Б.*). <...> Наконец, он сам, после пятого раза, вписал то, чего я не хотела. И все под угрозой, что книга не пойдет в печать. Мне он позволил только стилистически обработать его писанье “под меня”. А цель его была — чтоб я своим голосом, своим ртом сказала всем, что эта работа не мне принадлежит, не моей мысли и не моей изобретательности, а Марру и что Марр, который давал мнедохнуть и погибать, а сам выдвигал сволочей и ничтожества, что он поддерживал меня...» (21 января 1936 г.).

Позже в своих мемуарах Фрейденберг снова возвращалась к этой же теме:

«Излагая Марра на страницах 32 и 33 [издания “Поэтики” 1936 г. — *Н. Б.*], я в душе страстно взывала к истории науки. Я обманывала своих беспощадных современников, для которых писала о понимании Марром стадиальности, категории различия и т.д. При этом я рассчитывала, что будущий читатель сумеет отличить в самой книге мою точку зрения от марровской. <...> Во мне накопилось в душе от Марра. Чем влиятельней он становился, чем насильственней он заставлял принимать свое учение и подлаживаться под политику, тем громче поднимался во мне негодующий протест. Я желала сбросить с себя гнет его имени, тяготевший над моей научной индивидуальностью; мне надоело терпеть гонение за недостатки его теории и отдавать в его приходную книгу свои научные достижения. Его клика, его камарилья, ничтожества, выдвигавшиеся им в ущерб науке, его недоступность, вырождение былых его взглядов и привычек, партийная лесть и деспотизм — это все раздражало меня, вызывало во мне стыд, и я хотела отмежеваться от марризма. Столько лет бо-

рясь за Марра, я боролась за передовую мысль и ее независимость; теперь я видела, что она сама стала деспотичной, нетерпимой, неумной. Марр начал с расизма — и его “яфетический” период был самым блестящим и последовательным³². “Четыре элемента”, порвав с расизмом, завели в теорию архетипов³³, если не мистики. Они, как научная теория, не умны и не красивы. <...> От меня требовали признания, что моя книга написана по Марру; всякое дыхание меня самой изгонялось. В отделе “вещи” мне ввели Марра, — а это было неверно, так как я шла от немецкой археологии, от Узенера с его метафористикой вещи» («Воспоминания о самой себе». Рукопись).

Репутация марристки сделала ее заведующей кафедрой классической филологии в 1932 г. Эта же репутация заставила ее уйти из университета в 1951 г. когда Марр был предан анафеме с самой высокой на тот момент трибуны. Она заплатила за поддержку Марра и ассоциацию с Марром забвением после смерти на долгие годы.

Когда началось анафематствование и лингвисты публично били себя в грудь за то, что допускали «ошибки» и следовали неправильному учению Марра, Фрейденберг не отреклась. К рукописи «Лекции по введению в теорию античного фольклора» она добавила в начале 1950-х записку: «Критика теории Н. Я. Марра, которого я глубоко уважала, вызывалась чисто научными причинами. В разгар насильственного насаждения его теории я не могла предполагать, что последует за 1950 годом».

Причины многолетнего забвения Фрейденберг и того, что учившиеся у нее избегали называть себя ее учениками, были названы Лотманом в сопровождавшей публикацию статье «О. М. Фрейденберг как исследователь культуры»: прежде всего это связь с Марром³⁴.

³² Речь идет об учении Марра о языковых «расах» — что-то вроде стадиальной типологии языков.

³³ Имеется в виду теория четырех первичных полисемантических языковых элементов (сал, бер, йон, рош), из которых сложились все слова всех языков. Что же касается архетипов, то это не юнговские архетипы, а предполагаемый первоисточник. Так, в палеографии архетипом называется та рукопись, с которой сделаны списки с разными ошибками. Но Фрейденберг не признавала, что для обрядов существует самый первый обряд, для сюжетов — самый первый сюжет, которые затем переделываются и искажаются, подобно списком рукописи. Нечто близкое к тому, что у Юнга называется «архетипом», она называла мифологическим образом, «чистым смыслом», который воплощается в своих словесных, вещных или действенных метафорах.

³⁴ Лотман, 1973: 482–483.

Преследование или поддержка в сталинскую эпоху были равно опасны для ученого — и то и другое искажало критику и рефлексию, не говоря уже о более «простом» случае уничтожения.

Фрейденберг не была уничтожена физически, но в той мере, в какой она сохранилась как личность, она была обречена на неизвестность своих результатов, погибла для науки в этом специфическом смысле; а в той мере, в какой она сохранялась в научном сообществе как последователь «нового учения о языке», как заведующий кафедрой и профессор советского университета, терпела ущерб ее личность. Когда началось преследование Марра, для нее настало время окончательного личностного освобождения. Она не покаялась и ушла из университета. И тогда в последние годы жизни написала «Образ и понятие» и привела в порядок архив. Более чем за полвека, прошедшие со времени ее смерти, многие ее работы стали частью учебных программ вузов в России. На родине ее труды не канули в полную неизвестность и полное забвение. Но для того чтобы стать всеобщей «классикой», они требуют слишком многого от читателя. На фоне некоторого культурного одичания и истощения культурной почвы возникает такая мысль: работа о романе не опубликована, но те, кто занимаются или будут заниматься античным романом в России, находятся на расстоянии вытянутой руки от архива, они прочли или прочтут рукопись или ее копию. Всех серьезных читателей этой рукописи в России я знаю по именам. А мировая наука едва ли захочет заметить оригинального русского исследователя. Скорее всего, не захочет, пока ей не прикажут. Приказать ей может только ее же авторитет.

Итак, выше я перечислила предполагаемые причины непризнания и неизвестности Фрейденберг, начиная с оторванности от своего поколения (поздно пошла в университет) и от своего социального слоя в послереволюционном университете, до препятствий, воздвигнутых ей, как и всем прочим, советскими властями («вечная решетка перед глазами доводила меня до исступленья»). К таким причинам относится и традиционное неприятие миром слишком нового и слишком смелого. В послесталинский период над Фрейденберг тяготела причастность Марру, о которой и сейчас помнят больше, чем о ее открытиях. А западные ученые, не обнаруживая нормального функционирования института науки (например, ведения профессиональной библиографии, комплектования библиотек, рецензирования, а не

поддержки своих и т. п.) а priori не ожидают и наличия в России ученых.

В 2000 г. на международной конференции по античному роману в Гронингене я делала доклад о работах О. М. Фрейденберг, которая в 1920-е годы открыла то, к чему после трех десятилетий активных исследований в этой области мировая наука постепенно приближается. Теоретически меня интересовало сочетание маргинальности для классической филологии предмета (романа) и маргинальности для мировой науки национальности исследователя — русской, а для русской науки — пола — женского (в России в это время женщин-исследователей единицы). Добавим к этому и крайние обстоятельства рождения теории происхождения греческого романа в охваченной Гражданской войной стране, среди голода, холода, разрухи и в почти не функционирующих научных институтах. Реакция наиболее заинтересованной моим сообщением аудитории была такой: надо выпустить номер журнала об античном нарративе под названием «Русские об античном романе». Фрейденберг немедленно была утоплена в «русских», хотя, понятно, никому бы не пришло в голову собирать номер «Французы о греческом романе». А потом мой доклад о концепции Фрейденберг предложили опубликовать в разделе о «рецепции» вместе с работами об Апулее в Средние века, романе об Александре Великом в Византии, Гансе Саксе и античном романе... Сюда же и греческий роман в восприятии «русских». Таково самое доброжелательное восприятие русского исследователя на Западе — как части национальной культуры, а не мировой науки. Я ответила, что работы Фрейденберг не рецепция, а научное исследование. Западные классики — люди вежливые и не склонны к конфронтации по чисто научным вопросам, так что моя статья была опубликована не в разделе рецепций, а обычным порядком на английском языке в сетевом журнале и в бумажном виде в 2002 г.³⁵

Через шесть лет после этой публикации, на которую не было ни одного печатного отклика, снова собралась огромная международная конференция по античному роману в Лиссабоне. На ней в пленарном заседании молодой блестящий ученый заговорил издали и осторожно о том, что писала Фрейденберг в своей магистерской диссертации. В дискуссии я сказала, что положение о восточной родине

³⁵ *Braginskaia*, 2002.

романа, о мифологической парадигме, стоящей позади его сюжета, о неинституализированности жанра внутри античной литературы и жизни в целом, идея межкультурного обмена повествовательными мотивами и целыми нарративами, который пересекает границы языков восточного Средиземноморья и в письменном виде сохраняет текучесть и поливариантность устной традиции, идея возникновение жанра из взаимодействия повествовательного каркаса, названного жанром страстей и деяний (а вовсе не любовными историями), и эллинистической повествовательной техники, о единстве нарративного образца языческого романа и раннехристианских сочинений и многое другое — все это было высказано около 90 лет тому назад. Зал охнул. Но когда я добавила, что работа написана по-русски, все успокоилось. Статья об идеях Фрейденберг, даже опубликованная по-английски и доступная в сетевом журнале, через восемь лет после доклада в Гронингене не была прочитана. Она проходила по ряду истории науки, причем такой, которая не затрагивает и не может затронуть актуальную историографию.

Действительно, международное сообщество, которое в последние теперь уже три десятка лет сформировалось вокруг изучения античного романа, имеет свою собственную общепринятую историографию. На мои слова, что Фрейденберг впервые провела последовательное сравнение апокрифических Деяний с романом в диссертации 1924 г., мне возражают, что первой это сделала Роза Зёдер в своей работе об апокрифических Деяниях и *Romanhafte* литературе античности³⁶ в 1932 г. Не станешь же спрашивать, какой год какому предшествует. Если какая-то идея высказана русским исследователем, особенно по-русски, ее допустимо игнорировать. Нельзя игнорировать иное — высказываний влиятельного члена западного сообщества по поводу каких-либо русских исследователей. Роман Якобсон наделил поколения гарвардских студентов знакомством с русскими формалистами, а те — своих учеников. Но для Фрейденберг такого влиятельного пропагандиста не нашлось, хотя вышли некоторые переводы³⁷, статьи и две книги о ее творчестве, все они оказались востребо-

³⁶ *Söder*, 1932.

³⁷ Стараниями проф. Университета Индианы Н. Перлиной были изданы переводы коллекции статей Фрейденберг. По мнению самого издателя, переводы вышли негодные, кроме того, издание предназначено для славистов, тогда как по содержанию статьи ориентированы на филологов-классиков (*Olga Mikhailovna Freidenberg*,

ваны не мифологами, не классиками, не философами культуры, а славистами³⁸.

Исключением в Европе оказалась Польша, где «Поэтику сюжета и жанра» заметили еще до войны, где откликнулись рецензиями на русские публикации, печатали и печатают переводы ее трудов больше, чем где бы то ни было. Но и тут это не классики, конечно, — теоретики литературы³⁹. Избирательное сродство польской филологии и Фрейденберг заслуживает специального обсуждения, но я представила бы это польским ученым. По тому, что мне известно изустно, здесь следует составить родословную учителей и учеников, идущую из довоенного Вильно, в котором были филологи, ориентированные на русскую науку.

Русские ученые, коллеги или информанты?

Переписка Фрейденберг с Борисом Пастернаком⁴⁰ была опубликована в США еще при советском режиме, а затем переведена на десяток европейских языков, а теперь и в России выдержала несколько изданий⁴¹. Переписка вызвала большое количество откликов, но не русское издание — на него были отклики в эмигрантской периодике и его читали по радио «Свобода», — а английский перевод. Имя и личность Фрейденберг как корреспондентки Пастернака сделались известны славистам и русистам во всем мире. Но, разумеется, не филологам-классикам.

1990–1991, *Olga Mikhailovna Freidenberg*, 1991). Большая книга — перевод «Образ и понятия», вышедшая в переводе проф. К. Мосса (*Freidenberg*, 1997), который был не просто переводчиком, но и исследователем творчества Фрейденберг и написал о ее работах диссертацию (*Moss*, 1984), практически осталась неизвестной, получила одну рецензию в бахтиноведческом журнале, выходящем в Витебске, спустя три года после выхода. Автор ее — славист и специалист по творчеству М. М. Бахтина (*Тиханов*, 2000: 189–192). Отдельные переводы, опубликованные по-английски, были помещены в сборниках русских структуралистов (*Freidenberg*, 1976) и русских формалистов поэтики (*Freidenberg*, 1987).

³⁸ *Perlina*, 2002: 288, *Kabanov*, 2002.

³⁹ См. например: *Frejdenberg*, 1978, *Frejdenberg*, 1983, *Frejdenberg*, 1988, *Frejdenberg*, 2004, *Frejdenberg*, 2005 и др.

⁴⁰ Письма Фрейденберг к Борису Пастернаку хранились у его брата А. Л. Пастернака, а некоторые несохранившиеся оказались переписанными самой Фрейденберг в ее «Записках». Издатели использовали текст самих «Записок» для комментария к письмам и связок между письмами, охватывающими период в 40 лет.

⁴¹ *Пастернак*, 1981.

Сегодня, когда ни железный сундук, ни «железный занавес» не отделяют труды Фрейденберг от западной науки, ситуация не слишком изменилась. Гуманитарии России находятся по отношению к западным за стеклом, прозрачным только в одну сторону. Русские ученые прилагают чрезвычайные усилия, чтобы следить за достижениями мировой науки в своей области, западные ученые замечают русских, если их профессиональный интерес касается русских как таковых или регионального сырья. «Региональным сырьем» я называю все, что «водится» на территории России: иконы, литература и язык, музейные коллекции, архивы, курганы, этнографические объекты в виде целых народов, мамонты, шаманы... список можно продолжить. А к этому прилагаются проводники-туземцы. Ученые туземцы-переводчики.

За исключением нескольких харизматических фигур, как М. М. Бахтин или В. Я. Пропп, русских ученых рассматривают скорее как информантов, нежели как коллег. Интересующий западных ученых ресурс может быть нескольких типов.

Скажем, в руках у «туземца» находится общеинтересный ресурс. В. К. Шилейко был музейным хранителем и издателем коллекции шумерских и аккадских табличек, которые он расшифровывал, публиковал и переводил. Ведущие французские и немецкие ученые его времени переписывались с молодым ученым, но никогда не интересовались его идеями. Интерес представляли таблички, которые он мог сделать доступными, выполнив свои публикации на немецком или французском. Ахматова любила говорить в те годы, что немцы и французы скоро будут изучать русский язык, чтобы читать публикации Шилейко. Она ошибалась, ему советовали публиковаться только на языках «цивилизованного» мира⁴².

Кроме того, ценится ресурс знаний русских специалистов о русской культуре, языке, иконописи и т.п. В этом случае устанавливаются даже «куначеские» связи, труд, идеи, знания представляют большую ценность и потому с готовностью присваиваются⁴³.

⁴² См. об этом: *Емельянов*, 2007: 487.

⁴³ Не будем забывать и о готовности русских научных работников считать «новым» то, чего еще не было «по-русски», а также с симметричной беззастенчивостью переписывать «к себе» из иноязычных книг и материал, и аргументы, и ссылки на чужих предшественников как на своих, снабжая все это честными ссылками. Кто и когда туда заглянет?

Наконец, русский любой профессии является представителем своей национальной культуры как «туземец» и интересен только в этом качестве. При этом русская культура часто представляется однородной и цельной, подобно культуре дописьменного племени, а не великого «исторического» народа. Многие русские гуманитарии, получившие образование в России, обосновались за последние 20 лет в западных университетах. Каким бы ни было их исходное гуманитарное образование, работу они получали по своей национальной принадлежности, а не по профессии. Иначе говоря, их профессией будет нечто, связанное с их происхождением⁴⁴. Такое отношение возникло не сегодня, Цветаева тоже знала, что все ее собственное и индивидуальное воспринимается как «русское». Удивительно, что такое в целом обывательское отношение к «русским» сохраняется по сей день и в самых образованных кругах европейских интеллектуалов.

* * *

Существует ли дух времени, «развиваются» ли наука и гуманитарное знание в определенном направлении, позволяет ли накопление знаний и чередование научных парадигм предсказывать, какой быть следующей? И какая роль отведена русской науке в этом процессе? Возможен ли авангард на обочине?

На примере научной судьбы Фрейденберг, мне кажется, можно построить «пропорцию»: Фрейденберг для русской науки — то же, что русская наука для западной. Западное научное сообщество предлагает своим членам не только пройти основательную школу, но и подчиниться мощному давлению традиций и норм. В «отсталости» и маргинальности русской науки содержался и может содержаться

⁴⁴ Это не касается людей, закончивших университет или защитивших диссертацию уже не на родине. О самосознании отечественного гуманитария в послеперестроечный период я писала несколько лет тому назад (*Брагинская*, 2001): «И такую профессию они имеют не в собственных глазах, а в глазах академического сообщества западного мира. Но и сами принимают этот взгляд на себя, оценивая его как «правильный», как взгляд «цивилизованного мира», к которому хотели бы принадлежать. В этом источник проблем, развившихся в бытии и сознании академического сообщества особенно в последнее десятилетие, в этом суть парадокса, напоминающего хрестоматийный парадокс о критском лжеце: «как член цивилизованного общества, я разделяю его представление обо мне как о дикаре».

потенциал самостоятельности и открытия нового. А каналы вхождения результатов русской гуманитарной науки в мировую предполагают терминологическую и ценностную адаптацию и как наиболее эффективный способ таковой – присвоение этих результатов «своим» авторитетом.

Библиография

Брагинская Н. В. О статье О. М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 272–283.

Брагинская Н. В. Профессия – русский, или Entdeckung des Geistes постсоветского интеллектуала // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 69–88.

Брагинская Н. В. О. М. Фрейденберг о лирике in statu nascendi // Лирика: генезис и эволюция: [памяти Елеазара Моисеевича Мелетинского] / рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского, Ин-т восточных культур и античности; сост. И. Г. Матюшина, С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2007. С. 392–395.

Емельянов В. В. В. К. Шилейко и его «Ассиро-вавилонский эпос» // Ассиро-вавилонский эпос / пер. с шумерского и аккадского В. К. Шилейко. Изд. подготовил В. В. Емельянов. СПб.: Наука, 2007.

Лотман Ю. М. О. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 308. Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973.

Пастернак Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг / под ред. и с коммент. Э. Моссмана. N. Y.—L.: Harcourt Brace Jovanovich, 1981.

Протопопова И. А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М.: РГГУ, 2001.

Рильке Р. М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года / ред. К. М. Азадовский, Е. Б. Пастернак, Е. В. Пастернак. М.: Книга, 1990.

Тиханов Г. Англоязычное издание О. М. Фрейденберг [Рец. на кн.: *Freidenberg O. Image and Concept: Mythopoetic Roots of Literature. Am-*

sterdam: Harwood Academic Publishers, 1997] // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1 (30).

Фрейденберг О. М. *Thamyris* // Яфетический сборник. Л.: Изд-во Главнауки, 1927. Т. 5. С. 72–81.

Фрейденберг О. М. Евангелие — один из видов греческого романа // Атеист. 1930. № 59. С. 129–147.

Фрейденберг О. М. Будет ли московский Нюрнберг? (Из записок 1946–1948) / публ. Ю. М. Каган // Синтаксис. 1986. № 16. С. 149–163.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подг. текста и общ. ред., предварение и послесл. Н. В. Брагинской; ред. науч.-справ. апп. М. Ю. Сорокиной и А. Р. Потемкина. М.: Лабиринт, 1997.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978 (1-е изд.), 1998 (2-е изд., без купюр).

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 3-е изд., испр. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.

Alexander L. “In Journeying Often”: Voyaging in the Acts of the Apostles and in Greek Romance // Luke’s Literary Achievement: Collected Essays / Ed. by C. M. Tuckett // Journal for the Study of the New Testament. 1995. Supplement Series 116. P. 17–39.

Anderson G. Ancient Fiction: the Novel in the Graeco-Roman World. London: Croom Helm; Totowa. N. J: Barnes & Noble, 1984.

Aubin M. Reversing Romance? The Acts of Thecla and the Ancient Novel // Ancient Fiction and Early Christian Narrative. Society of Biblical Literature, Symposium Series Number 6. /Ed. by R. F. Hock, J. B. Chance, J. Perkins. Atlanta: Scholars Press, 1998. P. 257–272.

Bowersock G. W. Fiction as History: Nero to Julian. Berkeley: Univ. of California Press, 1994.

Braginskaia N. V. From the Marginals to the Center: Olga Freidenberg’s Works on the «Greek Nove» // Ancient Narrative. 2002. Vol. 2. P. 64–86. [Appendix I [Falconilla]. A Chapter of the «Greek Novel as Acts and Passions» by Olga Freidenberg. P. 76–82; Appendix 2. Olga Freidenberg, Greek Novel as Genre of Acts and Passions, 1919–1923. Table of Contents. P. 82–85]. (<http://www.ancientnarrative.com/archive/antocvol02.htm>).

Brant J.-A. Divine Birth and Apparent Parents: The Plot of the Fourth Gospel // Ancient Fiction and Early Christian Narrative. Society of Bibli-

cal Literature, Symposium Series Number 6 / Ed. by R. F. Hock, J. B. Chance, J. Perkins. Atlanta: Scholars Press, 1998. P. 199–217.

Cooper K. *The Virgin and the Bride*. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Delehay H. *Les légendes hagiographiques*. Bruxelles: Bureaux de la Société des Bollandistes, 1905.

Delehay H. *L'ancienne hagiographie byzantine: les sources, les premiers modèles, la formation des genres; conférences prononcées au Collège de France en 1935 / Textes inédits publiés par B. Joassart et X. Lequex; préface de G. Dagron*. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1991.

Fränkel H. *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*. New York: American Philological Association, 1951.

Freidenberg O. M. *The Origin of Parody* / Ed. and transl. H. Baran // *Semiotics and Structuralism: Readings from the Soviet Union*. White Plains: International Arts and Sciences Press, 1976. P. 269–283.

Freidenberg O. M. *Three Plots or The Semantics of One: Shakespeare's "The Taming of the Shrew"* / Transl. A. Shukman and H. Willetts // *Russian Poetics in Translation*. 1987. Vol. 5. P. 30–51.

Freidenberg O. M. *Image and Concept: Mythopoetic Roots of Literature* / Ed. and annot. by K. M. Moss and N. V. Braginskaia. Transl. from the Russian K. M. Moss. Foreword by V. V. Ivanov. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997 (*Sign/Text/Culture: Studies in Slavic and Comparative Semiotics*. Vol. 2).

Freidenberg O. M. *Iepiec nad urwiskiem* / Przeł. J. Jagiełło // *Teksty*. 1978. T. 3. S. 79–190.

Freidenberg O. M. *Metafora* / Przeł. Jerzy Faryno // *Pamiętnik Literacki*. 1983. T. 2. S. 321–348.

Freidenberg O. M. *Wjazd do Jerozolimy na ołcie (Ewangelie a mitologia)* / Przeł. Krzysztof Růtkowski // *Literatura na wiecie*. 1988. T. 3. S. 304–341.

Freidenberg O.M. *Pochodzenie liryki greckiej* / Przeł. B. Wyłko // *Prezestrzenie teorii*. 2004. No. 3/4. S. 371–386.

Freidenberg O. M. *Semantyka kultury* / Redkcja naukowa D. Ulicka. Wstęp W. Grajewski. Kraków: TAIWPN, 2005.

Grenfell B. P., Hunt A. S. *The Oxyrhynchus Papyri*. London: Egypt Exploration Fund. 1898–1919.

Grottanelli C. *The Ancient Novel and Biblical Narrative* // *Quaderni urbinati di cultura classica Nova*. 1987. Ser. 27. P. 7–34.

Hock R. *Why New Testament Scholars Should Read Ancient Novels* // *Ancient Fiction and Early Christian Narrative*. Society of Biblical Literature, Symposium Series Number 6 / Ed. by R. F. Hock, J. B. Chance, J. Perkins. Atlanta: Scholars Press, 1998. P. 121–138.

Huber-Rebenich G. *Hagiographic Fiction as Entertainment* // *Latin Fiction: the Latin Novel in Context* / Ed. by H. Hofmann. London: Routledge, 1999. P. 187–212.

Kabanov A. *Ol'ga Michajlovna Frejdenberg (1890–1955): Eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2002 (*Opera Slavica*, n. F., 41).

Kerényi K. *Die griechisch-orientalische Romanliteratur in religionsgeschichtlicher Beleuchtung*. Tübingen: Mohr, 1927, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964.

Lalleman P. *The Canonical and the Apocryphal Acts of the Apostles* // *Groningen Colloquia on the Novel 9* / Ed. by H. Hofmann, M. Zimmerman. Groningen: Forsten, 1998. P. 181–191.

Merkelbach R. *Roman und Mysterium in der Antike*. München: C.H.Beck, 1962.

Merkelbach R. *Die Hirten des Dionysos: Die Dionysos-Mysterien der römischen Kaiserzeit und der bukolische Roman des Longus*. Stuttgart: B.G.Teubner, 1988.

Moss K. M. *Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context (Diss.)*. Cornell University, 1984.

Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Part I / Guest ed. N. Perlina // *Soviet Studies in Literature: A Journal of Translations*. Winter 1990–91. Vol. 27. No. 1.

Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Part II / Guest ed. N. Perlina // *Soviet Studies in Literature: A Journal of Translations*. Summer 1991. Vol. 27. No. 3.

Parsons M. C. *The Book of Acts as an Ancient Novel* // *Interpretation*. 1989. Vol. 43. P. 407–410.

Perkins J. *The Suffering Self: Pain and Narrative Representation in the Early Christian Era*. London – New York: Routledge, 1995.

Perlina N. *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington: Slavica, 2002. Vol. VII.

Perlina N. *From Historical Semantics to the Semantics of Cultural Forms: O.M.Freidenberg's Contribution to Russian Literary Theory* // *Ol'ga Mikhailovna Freidenberg [Selected Translations] Part I* / Guest ed. N. Per-

lina // *Soviet Studies in Literature: A Journal of Translations*. Winter 1990–1991. Vol. 27. No. 1. P. 5–21.

Perlina N. The Freidenberg–Bakhtin Correlation // *Elementa: Journal of Slavic Studies and Coparative Cultural Semiotics*. 1998. Vol. 4. P. 1–15.

Pervo R. Profit and Delight – The Literary Genre of the Acts of the Apostles. Philadelphia: Fortress Press, 1987.

Pervo R. Early Christian Fiction // *Greek Fiction. The Greek Novel in Context* / Ed. by J. R. Morgan, R. Stoneman. London: Routledge, 1994. P. 239–253.

Pervo R. The Ancient Novel Becomes Christian // *The Novel in the Ancient World* / Ed. by G. Schmeling. Leiden: Brill, 1996. P. 685–711.

Radermacher L. Hippolytus und Thekla. Wien: Alfred Hölder, 1916.

Rohde E. Der Griechische Roman und seine Vörläufer. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1876 (1-е изд.), 1914 (3-е изд.); Hildesheim, New York: Georg Olms Verl., 1974 (5-е изд.).

Snell B. Die Entdeckung des Geistes. Studien zur Entstehung des europäischen Denkens bei den Griechen. Hamburg: Claassen & Govers, 1946.

Söder R. Die apokryphen Apostelgeschichten und die Romanhafte Literatur der Antike. Stuttgart: Würzburger Studien zur Altertumswissenschaft III, 1932.

Swain S. A Century and More of the Greek Novel // *Oxford Readings in the Greek Novel* / Ed. S. Swain. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 3–35.

Vogliano A. Un Papiro di Achille Tazio // *Studi Italiani di Filologia Classica*. 1938. Vol. 15. P. 121–130.

Wilmotte M. De l'origine du roman en France; la tradition antique et les éléments chrétiens du roman (Académie Royale de Belgique. Mémoires 18, fasc. 5). Bruxelles: M. Lamertin, 1923.

Wills L.M. The Quest for the Historical Gospel. London – New York: Routledge, 1997.

Zeller E. Philosophie der Griechen in ihrer geschichtliche Entwicklung. Bd. I. Leipzig: O. R. Reisland, 1892.

Препринты ИГИТИ Государственного университета – Высшей школы экономики

Серия WP6 «Гуманитарные исследования»

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.

2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.

3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.

4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.

5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.

6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.

7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.

8. Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004.

9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004.

10. Андреев М.Л. *Формы прошлого в классической европейской литературе*. Препринт WP6/2004/03. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004.
11. Фрумкина Р.М. *Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем*. Препринт WP6/2004/04. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004.
12. Филиппов А.Ф. *Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода*. Препринт WP6/2004/05. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004.
13. Руткевич А.М. *Психоанализ и доктрина «исторической памяти»*. Препринт WP6/2004/06. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования*. Препринт WP6/2004/07. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации*. Препринт WP6/2005/01. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики.
16. Капелюшников Р.И. *Деконструируя Полањи (заметки на полях «Великой трансформации»)*. Препринт WP6/2005/02. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2005.
17. Ерусалимский К.Ю. *История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века*. Препринт WP6/2005/03. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2005.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. *История и социальные науки*. Препринт WP6/2005/04. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2005.
19. Зарецкий Ю.П. *История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта*. Препринт WP6/2005/05. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2005.
20. Фрумкина Р.М. *Культурно-историческая психология Выготского – Лурия*. Препринт WP6/2006/01. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2006.
21. Полетаев А.В. *Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960–2004 гг.* Препринт WP6/2006/02. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2006.

22. Руткевич А.М. *Прошлое историка*. Препринт WP6/2006/03. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2006.
23. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Знают ли американцы историю? Ч. 1*. Препринт WP6/2006/04. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2006.
24. Вахштайн В.С. *«Неудобная классика» социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана*. Препринт WP6/2006/05. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2006.
25. Савельева И.М., Полетаев А.П. *Знают ли американцы историю? Ч. 2*. Препринт WP6/2006/06. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2006.
26. Зарецкий Ю.П. *Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану)*. Препринт WP6/2006/07. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2006.
27. Самутина Н.В. *Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино*. Препринт WP6/2007/01. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2007.
28. Руткевич А.М. *Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции»*. Препринт WP6/2007/02. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2007.
29. Юревич А.В. *Психология революций*. Препринт WP6/2007/03. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2007.
30. Каменский А.Б. *Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы*. Препринт WP6/2007/04. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2007.
31. Самутина Н.В. *«Cult Camp Classics»: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе*. Препринт WP6/2008/01. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2008.
32. Свешников А.В., Степанов Б.Е. *Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации*. Препринт WP6/2008/02. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2008.
33. Андреев М.Л. *Никколо Макьявелли в культуре Возрождения*. Препринт WP6/2008/03. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2008.

34. Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2008.

35. Полетаев А.В. Присутствие и отсутствие России в мировой экономической науке. Препринт WP6/2008/05. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2008.

36. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. Препринт WP6/2008/06. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2008.

37. Полетаев А.В. Общественные и гуманитарные науки в России в 1998–2007 гг.: количественные характеристики. Препринт WP6/2008/07. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2008.

38. Репина Л.П. Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике. Препринт WP6/2009/01. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009.

39. Савельева И.М., Полетаев А.В. Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Препринт WP6/2009/02. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009.

40. Вишленкова Е.А. Сокровищница русской живописи: история создания (1780–1820-е годы). Препринт WP6/2009/03. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009.

41. Еремеева С. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации: Препринт WP6/2009/04. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009.

*Препринт WP6/2009/05
Серия WP6
Гуманитарные исследования*

Брагинская Н.В.

**Мировая безвестность:
Ольга Фрейденберг об античном романе**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *Н.В. Антонова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии Государственного университета – Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,2
Усл. печ. л. 2,3. Заказ № . Изд. № 1120.

Государственный университет – Высшая школа экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок

Для заметок

Для заметок
